

Андрей Интереснов

Карманный билет в Малую Москву

Андрей Интереснов Карманный билет в Малую Москву

<https://litres.ru/73456961>

SelfPub; 2026

Аннотация

Владимир — выпускник института, инженер и человек, который уже не верит в чудеса. Но однажды, работая над дипломом, он снова оказывается в Малой Москве — подземном городе, где свет, вода и жизнь зависят от старых кабелей и человеческой заботы. Здесь всё работает по своим ламповым законам, а сбои в автоматике могут остановить целый город.

Вместе с Лиской, ставшей старшим диспетчером, Владимир ищет причину загадочных импульсов, которые угрожают Малой Москве. Он чинит контакты, обновляет схемы, учится доверять и объяснять сложное простыми словами. Постепенно он понимает: источник проблем — не только внизу, но и наверху, в институте, где проходят эксперименты с электричеством.

Это история о взрослении, ответственности, дружбе и о том, как даже маленький город под землёй может зависеть от решений, принятых наверху. Иногда, чтобы спасти свет, нужно просто не бояться взять на себя заботу о других.

Андрей Интереснов

Карманный билет в Малую Москву

Карманный билет в Малую Москву

продолжение истории про малую Москву

Автор: Интереснов Андрей Александрович

Москва 2026

Аннотация

Владимир — выпускник института, инженер и человек, который уже не верит в чудеса. Но однажды, работая над дипломом, он снова оказывается в Малой Москве — подземном городе, где свет, вода и жизнь зависят от старых кабелей и человеческой заботы. Здесь всё работает по своим ламповым законам, а сбои в автоматике могут остановить целый город.

Вместе с Лиской, ставшей старшим диспетчером, Владимир ищет причину загадочных импульсов, которые угрожают Малой Москве. Он чинит контакты, обновляет схемы, учится доверять и объяснять сложное простыми словами. Постепенно он понимает: источник проблем — не только

внизу, но и наверху, в институте, где проходят эксперименты с электричеством.

Это история о взрослении, ответственности, дружбе и о том, как даже маленький город под землёй может зависеть от решений, принятых наверху. Иногда, чтобы спасти свет, нужно просто не бояться взять на себя заботу о других.

Посвящение

Посвящается моему любимому и неповторимому сыну Владимиру Андреевичу.

Он — мой вдохновитель и стимул для написания книг.

С твоим появлением моя жизнь заиграла новыми красками, с тобой мой дом всегда полон энергией.

Благодарности

Благодарю свою жену Екатерину за её терпение и понимание,

за то, что она всегда рядом и, несмотря на все сложности,

идёт со мной по жизни плечом к плечу.

Оглавление

Брелок

Диспетчер

Город, который держится светом

Мастерская и сгоревшая печь
Обход города
Старый кабельный ход
Сигналы тревоги
Первая точка
Профессор и доказательства
Возвращение в Малую Москву
Скрытый источник
Когда город дышит ровно
Фотоальбом
Источник
Кафедра и решение
Новый свет

Глава 1. Брелок

К утру Владимир научился просыпаться без войны.

Не всегда легко, не всегда сразу, но без той старой привычки, когда ночная игра плавно перетекала в утро, а утро — в институт, и всё вокруг жило на автопилоте. Теперь он ставил сон в расписание, как серьёзную пару. И это, как ни странно, работало.

Игры остались, просто стали другими. По выходным он ещё заходил к друзьям в «Танки», мог провести пару боёв, посмеяться в голосовом чате и выйти — ровно в тот момент, когда раньше говорил себе: «ещё один». В будни он играл

редко — слишком много стало настоящих задач, у которых нет кнопки «переиграть».

Владимир почти закончил диплом. В последние недели голова жила в двух режимах: днём — расчёты, схемы, формулировки; ночью — осторожное прокручивание мыслей, как проверить одну гипотезу и не развалить другую. В кармане джинсов он всегда носил брелок. Небольшой, тяжёлый для своего размера, с дверцей и человечками. Старый жетон из Малой Москвы он давно превратил в талисман: нашёл кольцо, закрепил — и получился карманный брелок, который не подходит ни к одному турникету в мире, но почему-то всегда лежит так, будто должен лежать именно там. Иногда Владимир ловил себя на том, что машинально трогает брелок пальцами, когда волнуется, — как будто проверяет, всё ли на месте.

История с Малой Москвой за эти годы почти растворилась. Не потому, что он забыл, а потому что жизнь умеет прижимать к настоящему. Работы, дедлайны, экзамены, стажировки — и то приключение в подземном городе стало звучать в голове как сон, слишком яркий, чтобы объяснять его вслух. Если бы не брелок. И если бы не папа.

Папа умел говорить так, что ты не просто слушал — ты запоминал. Не нравоучения ради нравоучений, а точные слова, которые потом неожиданно всплывают, когда нужно сделать выбор. По выходным они иногда сидели на кухне. Чай остывал быстрее, чем разговор. На столе могли лежать рас-

печатки, книга или старый блокнот с заметками. Папа любил простые вещи и терпеть не мог пустых слов.

— Запомни, — говорил он, когда Владимир в очередной раз вздыхал: «Это всё слишком сложно». — Техника не должна быть простой. Она должна быть понятной.

Владимир усмехался:

— Это одно и то же.

Папа качал головой:

— Нет. Простое — это когда кажется, будто думать не нужно. А понятное — это когда ты разобрался и смог объяснить другому. Вот к этому и иди.

Однажды Владимир спросил:

— Да кому вообще нужна эта радиотехника? Всё уже придумали.

Папа тогда даже не рассердился. Он просто поставил кружку, посмотрел на сына и сказал спокойно:

— За радиотехникой будущее. Она лежит в основе развития человечества. Чем сложнее она становится, тем больше пользы приносит людям. Если в ней хорошо разбираться, она станет хорошим помощником тебе в будущем.

— Это ты про Wi-Fi? — пошутил Владимир.

Папа усмехнулся:

— Про то, чтобы системы работали слаженно друг с другом, чтобы один сигнал не нарушал работу других. Радиотехника помогает человеку справляться с разными задачами, предупреждает и защищает его от беды.

Тогда Владимир отмахнулся. Но теперь, когда он сам сталкивался с трудными задачами, эти слова вспоминались всё чаще. Он понимал: папа говорил не только о будущем и технологиях — он говорил об ответственности, которая приходит вместе с пониманием. Именно папа когда-то посоветовал ему идти в МИРЭА — не давлением, а разговором повзрослому: «Если тебе интересно, как устроен мир, иди туда, где учат не только пользоваться, но и понимать».

А потом был день рождения. Владимир мечтал о новой модели телефона — о мощном аппарате, который «тянет всё». Но телефон был очень дорогим, и Владимир, заглядываясь на него в витрине, думал: «Когда-нибудь я тебя куплю». Однако со временем почти убедил себя, что это не нужно.

Папа протянул коробку молча. Владимир открыл — и на секунду не поверил.

— Пап... ты серьёзно?

Папа улыбнулся так, как улыбаются взрослые, когда знают что-то важное и доброе.

— Серьёзно, — сказал он. — Ты для меня дороже всех денег на свете.

И обнял его.

Этот телефон Владимир берёт — не из жадности, а из уважения. К подарку, к словам, к тому, что за ними стояло. И чем дальше, тем чаще он задумывался о том, как важно не просто владеть техникой, а понимать её смысл и ответственность за неё. Именно это он особенно ценил в своём наставнике.

Юрий Викторович помогал ему с выпускной работой спокойно, строго и очень по делу. Никогда не говорил лишнего и не давал простых советов, когда вопрос был сложный. Зато умел задать одну фразу так, что Владимир потом неделю думал и приходил к решению сам.

В тот день Владимир подошёл к нему после пары.

— Юрий Викторович, можно у вас попросить один справочник? Мне нужен тот старый, который вы мне показывали. По радиотехнике, с измерениями и таблицами.

Профессор посмотрел на него внимательно.

— Какой именно раздел?

Владимир назвал. Юрий Викторович кивнул, будто ожидал именно этого.

— Есть, — сказал он. — Только он внизу, в кладовке. Пойдём.

Они спустились в подвал института по лестнице, где свет всегда был чуть слабее, чем наверху. Не темно, но с оттенком экономии — будто подвалу не положено быть слишком бодрым. Пахло пылью, старой краской и проводкой — тем самым запахом, который бывает в местах, где живут техника и тишина.

Юрий Викторович достал связку ключей.

— Сейчас быстро возьмём и поднимемся.

Он повернул один ключ в замке — тот не пошёл. Профессор нахмурился, попробовал другой. Дверь не открылась.

— Не тот ключ, — сказал Юрий Викторович без раздражения, но с лёгким недовольством к самому себе. — Ладно. Я схожу на охрану в другой корпус и возьму нужный. Ты тут подожди. Никуда не уходи.

— Хорошо, — ответил Владимир.

Шаги профессора растворились в лестничной клетке. В подвале стало ещё тише.

Владимир огляделся. В углу стояло старое кресло — не офисное, а настоящие: тяжёлое, с потёртой тканью и скрипом, который предупреждает заранее. Видимо, сюда кто-то когда-то приносил чай и сидел на дежурстве, или читал, или просто прятался от шума. Владимир сел в кресло «на ми-

нугу». Усталость последних дней была хитрой: не давила, а подкрадывалась. Он достал смартфон, поставил короткий таймер, чтобы не отключиться всерьёз, и положил его на край стола.

Свет над головой моргнул один раз.

«Показалось», — подумал Владимир.

Он устроился удобнее, закрыл глаза буквально на секунду — и провалился.

Проснулся резко. Тишина стала другой — не «подвал института», а тишина как в месте, где всё выключено и забыто. Владимир сел и понял, что вокруг тьма. Не полумрак, не слабая лампа — плотная, густая темнота, как ткань. Он потянулся к телефону и нажал на кнопку. Экран не загорелся. Ещё раз. Ничего. Будто кто-то выключил не только свет, но и саму привычку света быть.

Владимир проглотил ком в горле и машинально нащупал брелок в кармане. Металл жетона оказался тёплым.

Он поднялся. Где-то справа, там, где минуту назад должна была быть стена подвала, виднелся слабый контур — тонкая полоска света, как на двери, которую приоткрыли. Владимир сделал шаг ближе. Контур стал явственнее, и вместе с ним пришло чувство узнавания, неприятное и точное: вот так же начиналось тогда.

В полутьме проступила дверь. Низкая, не такая, как обычные. На ней был рисунок: дверца и маленькие человечки во-

круг, словно пиктограмма.

Владимир вдохнул.

— Не может быть, — сказал он.

Где-то далеко раздался едва слышный щелчок — тот самый, который он помнил слишком хорошо.

Он ещё секунду смотрел на дверь, и вдруг его осенило: его дипломная работа как раз касалась фильтрации импульсных помех в слаботочных цепях. Он даже придумал простую схему на двух конденсаторах и дросселе, которая могла бы отсекал короткие выбросы, не трогая основное питание. «Забавно, — подумал Владимир, — если бы я мог поставить такую защиту там, внизу, возможно, их автоматика перестала бы сходить с ума». Мысль показалась странной, почти детской, но брелок в кармане нагрелся сильнее, словно подбадривая.

И тут он вспомнил: за день до этого, сидя в пустой аудитории, он заметил странное мигание лампы над дверью лаборатории № 317. Три коротких, пауза, две длинных, пауза, три коротких — сигнал бедствия. Тогда он подумал — помехи. А сейчас понял: это был зов. Кто-то внизу звал на помощь, и световой код прошёл сквозь кабели, через этажи, прямо к нему. Брелок в кармане стал горячим, будто подтверждая догадку.

— Ты меня звала, — прошептал Владимир.

Он протянул руку, коснулся дверной ручки и почувствовал, что металл под пальцами тёплый, как живой. Владимир не хотел снова проваливаться, не хотел снова объяснять себе, что это сон, не хотел снова быть тем парнем, который случайно оказался в чужом мире. Но брелок был тёплым, а дверь — настоящей.

Он открыл её. Изнутри пахло влажным воздухом, пылью и старой проводкой. Пахло Малой Москвой.

Владимир сделал первый шаг и сразу заметил: здесь всё устроено иначе, чем в прошлый раз. Над головой, от здания к зданию, тянулись тонкие провода — старые, с потрескавшейся изоляцией, кое-где перемотанные синей изолентой, кое-где подвязанные бечёвкой. А на них, как спелые груши на ветках, висели лампочки накаливания. Обыкновенные стеклянные лампочки — грушевидные, с едва заметной вольфрамовой нитью внутри. Они не светили ярко, но давали мягкий, чуть желтоватый свет — ровно столько, чтобы видеть всё вокруг: морщинки на стенах, лица редких прохожих, таблички на дверях.

Владимир поднял голову и посмотрел прямо на ближайшую лампочку. И удивился: не было ни зайчиков в глазах, ни боли. Только тёплое, спокойное свечение, от которого хотелось задержаться, а не спешить в темноту. Фонарных столбов в городе не оказалось — ни одного. Лампочки висели на проводах, слегка покачиваясь от лёгкого сквозняка, и их тени ползли по стенам, словно живые. Изредка какая-то лам-

почка чуть заметно моргала — как будто подмигивала прохожему.

Владимир пошёл вперёд, и брелок в кармане перестал быть просто тёплым — он стал живым. Словно город узнал его и сказал: «Здравствуй. Я ждал».

На стенах он заметил странные, но красивые механизмы. Вот распределительная коробка, вся покрытая чеканкой — медные листья и лампочки в центре. Ручки тумблеров выточены из кости и отполированы до блеска. Вольтметр в деревянной оправе, со стрелкой, на конце которой — крошечная светящаяся точка. Каждая вещь здесь была не просто инструментом, а произведением искусства. Кто-то потратил часы, чтобы сделать обычный рубильник красивым, приятным на ощупь, с плавным ходом.

Владимир провёл пальцем по крышке одной из коробок — медь была тёплой, узор из виноградных листьев чётким, ни одной зазубрины.

— У них тут каждая деталь с душой, — прошептал он.

Конец главы 1.

Глава 2. Диспетчер

Владимир стоял перед дверью с табличкой «ДИСПЕТЧЕРСКАЯ» и всё ещё сжимал в кармане тёплый брелок. За дверью было тихо, но он чувствовал — там кто-то есть. Город за его спиной жил своей мерной, спокойной жизнью: где-то потрескивал трансформатор, цокали по камню колё-

са электромобильчика, из мастерской доносился приглушённый голос инструктора по безопасности.

Он перевёл дух и постучал.

— Войдите, — раздалось изнутри. Голос был молодым, но уверенным, без тени сомнения.

Владимир толкнул дверь и шагнул через порог.

Диспетчерская оказалась светлее, чем он ожидал. Не потому что ярко, а потому что свет здесь был уверенным — без дрожи, без лишних морганий, ровный и спокойный. Комната выглядела знакомо и незнакомо одновременно. Всё та же старая техника, те же стрелочные приборы на стенах, те же кабели, которые не прятались в стены, а шли по ним, как корни векового дерева. Но теперь у всего было место, и у этого места — название.

На стене висела доска с листами, закреплёнными кнопками. Сверху крупно было написано:

«ДИСПЕТЧЕРСКИЙ УЧАСТОК. ЖУРНАЛ ИМПУЛЬСОВ»

Ниже — аккуратная таблица, почти школьная. Графы: *время, участок, что произошло, что сделали, результат.*

Владимир остановился перед доской, но рассматривать её не успел — из-за стола поднялась Лиска. Он сразу узнал её, хотя она изменилась. Рыжие волосы стали короче и аккуратнее, не торчали в разные стороны, как раньше, а лежали ровно, прибраны под лёгкую повязку. Веснушки остались — те же, что и прежде, — но лицо стало взрослее: скупые линии,

спокойный взгляд. Движения сделались плавными, без девичьей порывистости. В глазах — не только смелость, которая была у неё всегда, но и привычка принимать решения, и лёгкая усталость от этих решений.

На ней была форма. Не идеально новая, но ухоженная: выглаженная куртка, чистые брюки. На груди — значок Малой Москвы в виде лампочки с цифрой «17» — номер её участка. На поясе — связка ключей, но теперь они не звенели хаотично, а висели собранно, будто сами знали своё место.

И главное: она встретила его не как проводница, не как девочка-подросток, а как человек, который отвечает за участок. За людей. За свет. За всё.

Лиска посмотрела на Владимира. Секунду. Потом ещё одну. Без удивления, без вопроса — как на факт.

— Владимир, — сказала она.

У него внутри что-то отпустило — та самая тугая пружина, которая сжималась с тех пор, как он открыл дверь в подвале института.

— Лиска, — ответил он.

Она подошла ближе — не быстро, а уверенно, как подходят к старому знакомому, которого давно не видели, но хорошо помнят.

— Ты вырос, — сказала она. — И выглядишь уставшим.

— Ты тоже выросла, — ответил Владимир. — И выглядишь... как настоящий диспетчер.

Лиска кивнула, будто отметила галочку, и сказала:

— Это хорошо. Значит, у тебя хватит ума не делать глупостей. Потому что сейчас не время.

— Что случилось? — спросил Владимир.

Она посмотрела на дверь, убедилась, что никто не подслушивает, и ответила тише, но так, чтобы он услышал каждое слово:

— У нас начались импульсы.

— Какие импульсы? — не понял Владимир.

Лиска помедлила, подбирая слова.

— Такие, от которых автоматика сходит с ума. Щит переключает питание как положено — иногда даже идеально. А потом — раз — и табло начинает показывать не то. Указатели мигают не туда, дверь может открыть не тот замок, светофор зависает на красном, лифт останавливается между этажами. Вчера, например, дверь №4 на Светлой улице открылась вместо того, чтобы закрыться, и выпустила кота Нурсика. Кота поймали, но осадок остался.

— То есть проблема не в силовой части, а в управлении, — сказал Владимир.

Лиска посмотрела на него внимательно.

— Ты теперь говоришь как инженер. Это хорошо. Но у нас люди говорят проще. У нас говорят: «всё делает не то».

— Хорошо, — улыбнулся Владимир. — Тогда скажи проще. Что именно делает не то?

Лиска выдохнула.

— Управление. Именно управление. И это не похоже на обычную Смену. Смена была усталостью — когда провода стареют и питание проседает. А это... будто что-то новое, чего раньше не было. Кто-то или что-то бьёт по линиям управления коротко и резко. И после этого всё идёт кувыркком.

У Владимира внутри стало тревожно.

— А вы знаете, откуда эти импульсы приходят?

Лиска покачала головой.

— Пока нет. Мы только начали замечать, что они приходят не по расписанию. Иногда утром, иногда ночью. Иногда когда всё спокойно, иногда когда все на месте. Мы завели журнал — каждый импульс записываем. Но закономерности пока не видно.

— Значит, надо разобраться, — твёрдо сказал Владимир.

Она посмотрела на него с той самой смесью надежды и сомнения, которая была у неё в прошлый раз, когда они только начинали своё первое приключение.

— Именно. Мы не любим зависеть от случайностей. Но пока не понимаем, что именно происходит.

В этот момент дверь диспетчерской приоткрылась, и внутрь заглянул пожилой человек в очках на лбу — Михеич, как позже узнал Владимир. За его спиной виднелись ещё несколько любопытных лиц.

— Диспетчер, — сказал Михеич, — можно? У нас тут вопросы. И чайник заодно вскипел.

— Заходите, — разрешила Лиска. — Владимир как раз объясняет, что такое импульс.

Человечки потянулись внутрь — кто с фонарём, кто с кружкой, кто просто из любопытства. Владимир заметил, что у каждого на поясе или на шее висел маленький фонарик, а один мальчик держал в руке световую палочку, которая мягко мерцала жёлтым.

Лиска повернулась к Владимиру:

— А ты можешь объяснить ещё проще? Чтобы даже дети поняли.

— Ладно, — сказал Владимир, взял со стола карандаш и на клочке бумаги нарисовал два прямоугольника. — Представьте, что у каждого вашего прибора есть два входа: один для еды — это питание, а другой для приказов — это управление. Импульс — это как если бы кто-то громко крикнул на ухо тому, кто принимает приказы. Приказ слышится неправильно, и прибор делает не то. Но еда у него при этом есть.

Один из человечков, пожилой, с седыми усами, спросил:

— А кто кричит?

— Пока не знаю, — честно ответил Владимир. — Но голос приходит откуда-то снаружи. Не из вашего города.

— А может, это всё же Смена, только новая? — подал голос Михеич.

— Смена выключает свет, — сказала Лиска твёрдо. — А тут свет горит, а управление путается. Владимир прав.

Человечки переглянулись. У них был удивительный способ общения: когда они не хотели шуметь, они чуть-чуть поднимали фонарики и поворачивали их друг к другу. Моргнул красным — «опасно», зелёным — «согласен», жёлтым — «подумаю». Сейчас несколько фонариков мигнули зелёным в сторону Лиски и Владимира — «согласны, поддерживаем».

Владимир заметил это и спросил:

— А что, у вас целый язык светом?

— А как же, — улыбнулась Лиска. — На станции тишина, а говорить громко — мешать другим. Вот и приспособились. Красный — стой, зелёный — иди, жёлтый — внимание, синий — нужна помощь, белый — всё хорошо, иду по плану. Есть ещё оранжевый — «не мешай, я работаю», и розовый — детский, для игр.

Она достала свой фонарик — маленький, на брелке, — и быстро мигнула им в сторону человечков: три коротких белых и один длинный зелёный. Те сразу успокоились, рассе-

лись по лавкам у стен.

— Что это было? — спросил Владимир.

— «Всё идёт по плану, всем спасибо, дежурные остаются», — перевела Лиска. — А теперь пойдём, я покажу кое-что интересное.

Она повела его не к выходу, как он ожидал, а в соседний закуток диспетчерской, где за небольшой шторкой обнаружилась деревянная стена с десятками ключей. Ключи были разными: маленькие медные, большие чугунные, плоские, крестообразные, даже один ключ-трубка. На каждом — узор: на медных — чеканка, на чугунных — гравировка, на плоских — ручная роспись.

— Это наша коллекция, — сказала Лиска. — Каждый ключ от какой-нибудь важной двери или шкафа. Но мы уже не помним, от чего они. Когда-то здесь были мастерские, склады, секретные комнаты.

— А зачем вы их храните? — спросил Владимир.

— На всякий случай. Вдруг найдётся дверь, которая не открывается обычным ключом. Однажды так нашли старый аварийный выход на поверхность.

Михеич, который зачем-то пошёл за ними, добавил:

— И ещё легенда есть. Если все ключи повесить на одно кольцо и позвонить ими, откроется дверь, за которой исполняется желание. Но никто не пробовал — боятся потерять ключи. Да и кольца такого не найдёшь.

— И что бы ты загадала? — спросил Владимир у Лиски.

— Чтобы импульсы исчезли навсегда, — не задумываясь, ответила она. — И чтобы никто в городе никогда не остался без света.

Она аккуратно задернула шторку, и они вернулись в диспетчерскую.

У стола Лиска вдруг остановилась и поправила воротник его куртки — совсем как мама, когда провожала в институт.

— У тебя тут пуговица болтается, — сказала она и быстро, будто испугавшись, отдернула руку. — Зашьёшь потом.

Владимир кивнул, не отрывая взгляда от щитка на стене, который заметил краем глаза.

— Спасибо. Слушай, а вот этот автомат на сколько ампер?

Лиска на секунду замерла, потом досадливо сморщила носик — совсем маленькую морщинку, которую никто не заметил бы, если бы не знал.

— На шестнадцать, — ответила она сухо и отвернулась.

Михеич, который сидел в углу с газетой, хмыкнул себе под нос, но промолчал.

Лиска подошла к большому журналу на столе, взяла его двумя руками и положила перед Владимиром.

— Это наш журнал импульсов. Если коротко: когда что-то не так — мы записываем. Время, место, что произошло,

что сделали, результат.

Владимир открыл первую страницу. Почерк был разный — где-то крупный, где-то мелкий, но везде одна и та же попытка удержать смысл:

«10:14 — щелчок, провал на табло, стрелка на узле 3 сменилась на 7 секунд».

«11:02 — два импульса, дверь №4 в коридоре показала "выход", закрыли клином».

«13:40 — дрожание управления, реле "прыгает", помогли на щите руками, стабилизировали».

Владимир листал и чувствовал, как в голове складывается картина. Это было не «волшебство», не «Смена». Это было похоже на системные помехи, которые бьют туда, где тонко.

— Вы пишете «импульс», — сказал он. — Кто придумал слово?

Лиска помедлила и ответила честно:

— Я. Потому что «Смена» — это когда питание устало и переключилось. А тут как будто что-то ударяет. Коротко. Резко. И потом всё ведёт себя странно.

— Правильное слово, — сказал Владимир. — Импульс — это как раз «коротко и резко».

— Я просто устала бояться, — добавила Лиска. — Бояться можно только первое время. Потом нужно делать.

Она подошла к щитку у стены — старому, но ухоженному. Контакты блестели, подписи были обновлены, провода перетянуты аккуратно. Даже тканевая изолента была намотана ровными слоями.

— Это наш центр на участке, — сказала Лиска. — Не Сердце Кольца, но место, где можно увидеть, что управление начинает «нервничать».

Владимир посмотрел на приборы. Стрелка напряжения стояла ровно. Стрелка «управления» — тоже. Но у самого края шкалы была маленькая отметка красным карандашом: «опасно».

— Вы калибровали? — спросил он.

— Мы заметили: когда стрелка уходит сюда, потом начинается хаос. Сбоит автоматика, пропадает свет и творится неразбериха.

Она не сказала «выход», но Владимир понял.

Он подошёл ближе и прислушался. Издалека донёсся щелчок — слабый, почти нормальный.

— Это обычное, — сказал Владимир.

Лиска кивнула.

— А теперь слушай внимательно.

Они замолчали. Тишина в диспетчерской была такой, что слышно было, как потрескивает лампа под потолком и как кто-то далеко по коридору переставляет ящик.

Потом — щёлк. Не один, а два, почти одновременно. Как если бы кто-то ударил по двум линиям сразу. Стрелка «управления» дрогнула, на мгновение ушла к красной отметке и вернулась обратно.

— Вот! — сказала Лиска.

— Да, — кивнул Владимир. — Это похоже на внешнюю помеху. Не на просадку питания — питание-то держится.

Он оглянулся на лампы — они не моргнули.

— Тогда почему двери и табло дурят? — спросила Лиска. В этом вопросе было главное: она не просила утешения, она просила схему.

Владимир осмотрел полки в диспетчерской. На одной из них лежали конденсаторы от старых ламп, кусок ферритового кольца из сгоревшего блока питания, моток тонкого провода. Он взял кольцо, намотал на него несколько витков провода и приставил к контакту щитка.

— Смотрите, это простейший фильтр. Он пропускает медленные сигналы, а быстрые «выстрелы» гасит. Как шумоподавитель.

Человечки — а их в дверях уже стояло с пяток — заворожённо смотрели.

— Если мы поставим такие фильтры на всех узлах, город станет устойчивее даже до того, как мы найдём источник, — сказал Владимир.

— А где взять столько колец? — спросил Михеич.

— Можно сделать из чего угодно, — ответил Владимир.
— Подойдёт даже стальной гвоздь, обмотанный проводом.
Не идеально, но лучше, чем ничего.

Нюра, которая тоже заглянула в диспетчерскую, вытащи-
ла из кармана гвоздь и моток изолянт:

— Вот, держи!

Владимир за минуту смастерил импровизированный
дроссель, воткнул его в разрыв одной из линий управления,
и стрелка на щитке перестала дёргаться при каждом щелчке.

— Работает! — восхитился Гошка, молодой парень в жи-
летке, который до этого молча стоял в углу.

— Это временно, — сказал Владимир. — Но если поста-
вите такие фильтры на всех узлах, город станет устойчивее.
Лиска кивнула и повернулась к человечкам:

— Всем мастерским задание: собрать из подручных мате-
риалов фильтры по образцу. Дежурных — на усиление.

Фонарики замигали зелёным. Работа закипела.

— Ну что, — сказала Лиска, закрывая журнал, — пой-
дём, покажу город. Ты должен увидеть, как мы живём. Толь-
ко сразу предупреждаю: у нас всё не ровно, зато по-челове-
чески.

Владимир убрал брелок в карман и вышел следом за
ней из диспетчерской — в мягкий, мерцающий свет Малой
Москвы.

Глава 3. Город, который держится светом

Владимир вышел из диспетчерской и сразу почувствовал: здесь всё другое. Это был не просто подземный город — он жил по своим правилам, но правила эти были не строгими, а тёплыми, как старый плед. Свет не просто горел — он был частью жизни, и все это знали.

Улицы Малой Москвы были узкими, но не тесными. По стенам шли кабели — иногда аккуратно закреплённые, иногда как попало, но всегда с подписью мелом: «Л1», «ВОДА», «СВЯЗЬ», «НЕ ТРОГАТЬ — РАБОТАЕТ». На перекрёстках висели миниатюрные светофоры — три лампочки в железных корпусах, с облупившейся краской и бумажными наклейками: «НЕ СПЕШИ», «ПРОПУСТИ СОСЕДА».

Но самое удивительное — освещение. Здесь не было фонарных столбов — вообще ни одного. Вместо них от здания к зданию, от мастерской к мастерской тянулись тонкие провода, а на них, как спелые груши, висели лампочки накаливания. Обычные, стеклянные, с вольфрамовой нитью внутри. Они не светили ярко — давали мягкий, чуть желтоватый свет, ровно столько, чтобы видеть всё вокруг: лица прохожих, номера на дверях, трещины в асфальте.

Владимир поднял голову и замер. Над ним на высоте вытянутой руки висела такая лампочка. Она тихонько гудела и слегка вибрировала — нить внутри чуть подрагивала от

проходящего тока. Он посмотрел прямо на неё. И удивился: не было ни зайчиков в глазах, ни боли. Только тёплое, спокойное свечение, от которого хотелось задержаться, а не спешить в темноту.

— У нас так весь город, — сказала Лиска, заметив его взгляд. — Мы пробовали ставить фонарные столбы, но они мешают ездить электромобильчикам. А так — провода сверху, лампы висят, как фонарики на ёлке. Не сломаешь, не зацепишь. Да и глаза не устают.

— Это главное, — добавил Владимир.

Они свернули в боковую улочку, и Владимир сразу уловил запах свежего хлеба и корицы. Из открытой двери маленького здания с вывеской из лампочек в форме кренделя выходил человечек в белом колпаке и нёс поднос с ещё дымящимися булочками.

— Это пекарня дяди Мити, — сказала Лиска. — Лучшая в городе. Он печёт по ночам, когда импульсов меньше. Говорит, тесто не любит дрожжи.

Владимир заглянул внутрь. В глубине стояла старая печь, переделанная из железной бочки, а рядом — стол для замеса с потёртой деревянной крышкой. На полках лежали буханки, ватрушки, плетёнки с маком. Но самое интересное было на стене над печью: там висели инструменты для выпечки, но не простые, а с узорами. Лопатки для хлеба с резными ручками, формы для булок в виде звёздочек и сердечек, даже термометр с циферблатом, на котором вместо цифр были

нарисованы маленькие солнышки.

— Это мой дед делал, — сказал дядя Митя, заметив взгляд Владимира. — Он был не только пекарь, но и медник. Любую железку мог украсить так, что жалко было в печь ставить. Я берегу.

— Булочку? — Дядя Митя уже протягивал Лиске тёплый крендель.

— Спасибо, — ответила она и разломилла его пополам. Большую половину отдала Владимиру. — Ешь. Ты сегодня много работаешь.

Владимир откусил и чуть не застонал от удовольствия — мягкое, сладковатое тесто с хрустящей корочкой.

— Это... невероятно.

— Секрет в закваске, — улыбнулся пекарь. — И в настроении. Если печь со злостью — тесто не поднимется. А если с добром — любой импульс не страшен.

Они пошли дальше. На перекрёстке стояла зарядная станция для фонариков — высокая тумба с десятком гнёзд, похожих на пасти довольных зверьков. Каждое гнездо было подписано: «Ф-1», «Ф-2», «СВЕТОПАЛОЧКА». Рядом — ящик с хвостами проводов и маленькая табличка: «ЗАРЯДКА БЕСПЛАТНО. НЕ ЗАБЫВАЙ ЗАБРАТЬ СВОЙ СВЕТ».

Человечек в синей куртке — зарядмейстер — проверял контакты в гнёздах, вытирал их тряпкой и вешал на освобожденные места бумажные бирки: «ИСПРАВНО», «ТРЕБУЕТ ВНИМАНИЯ». Его инструменты лежали на специальной

подставке: отвёртки с ручками из цветного стекла, пинцет с зажимом из латуни и маленький тестер в кожаном чехле с тиснением.

— Зарядмейстеры — важные люди, — пояснила Лиска. — Если фонарь сядет в самый неподходящий момент, это катастрофа. Особенно у тех, кто работает на линиях.

В этот момент к станции подбежал мальчик лет восьми с охапкой световых палочек — тонких пластиковых трубок со светодиодами на концах. Он рассовал их по гнёздам, и те замигали зелёным — пошёл заряд.

— Это для игр, — сказал мальчик, заметив взгляд Владимира. — Мы вечером в салки со светом играем. У кого палочка горит — тот водит. А если батарейка села — выбыл.

— А где вы берёте новые палочки? — спросил Владимир.

— В газетном киоске, — ответила Лиска. — Рядом с площадью, сейчас покажу.

Они вышли на небольшую площадь. В центре журчал фонтанчик, подсвеченный изнутри лампой, а вокруг стояли лавочки из старых катушек. Дети запускали бумажные кораблики, старик с радиоприёмником ловил местные новости.

У края площади стоял газетный киоск, выкрашенный в ярко-жёлтый цвет. Над окошком горела неоновая вывеска: «ПЕЧАТНОЕ СЛОВО». На прилавке лежали не только газеты, но и тонкие брошюры с названиями: «Световой этикет для малышей», «Как заменить контакт за минуту», «Лампо-

вые истории». Обложки были отпечатаны на плотной бумаге с золотым тиснением — их явно делали с любовью.

— Можно взять бесплатно, — сказала Лиска. — Мы печатаем на старом станке, бумагу собираем с поверхности. Что выбрасывают — то перерабатываем.

Сбоку киоска висела большая пробковая доска — городская «информационная панель». Кнопками были прищиплены объявления:

«МАСТЕРСКАЯ НА УЛИЦЕ ЗАРЯДНОЙ ПРИГЛАШАЕТ НА КУРСЫ ПО ПАЙКЕ. ПРИХОДИТЕ С ДЕТЬМИ. ЧАЙ И ПРЯНИКИ — ЗА СЧЁТ ЗАВЕДЕНИЯ».

«ПРОПАЛ ФОНАРИК С ГРАВИРОВКОЙ "СТЕПКА". КТО НАЙДЁТ — ПОЛУЧИТ ПИРОГ ОТ БАБУШКИ ГАЛИ».

«СВОДКА ДИСПЕТЧЕРСКОЙ: ИМПУЛЬСЫ ЗА НЕДЕЛЮ — 4. СТАБИЛЬНОСТЬ — УЛУЧШАЕТСЯ».

В нижнем углу доски висела световая лента, которая отображала текущий уровень напряжения в сети. Сейчас она горела зелёным сектором — «норма».

— Это мы недавно придумали, — сказала Лиска. — Чтобы каждый мог посмотреть, как дела у города. Жёлтый — внимание, красный — готовься, зелёный — можно выдохнуть.

Рядом с киоском, под навесом из старой жести, стояли два столика и несколько скамеек из деревянных катушек.

Здесь работала кофейня под открытым небом. Из маленького окошка торчал медный самовар, переделанный в кофемашину. Из его носика шёл пар, а на столе лежали чашки с отбитыми ручками — но чистые, аккуратные, и каждая была расписана вручную: кто-то нарисовал на них маленькие лампочки, цветы, звёзды.

— Кофе у нас редкость, — сказала Лиска. — Привозят сверху, когда дежурные находят выброшенные банки. Но варят вкусно. Хочешь?

— Давай позже, — ответил Владимир. — Сначала хочу посмотреть на ваш транспорт.

Они прошли к широкой улице, где по рельсам бесшумно катился трамвайчик — вагончик из жести и стекла, внутри которого горел тёплый свет. На боку трамвайчика была нарисована улыбающаяся лампочка, а под ней надпись: «СВЕТ В КАЖДЫЙ ДОМ». Ручки дверей были выточены из дерева в виде маленьких лампочек — их приятно было держать.

— Мы его зовём «Лампочка», — улыбнулась Лиска. — Он ходит от Фонтанной площади до старого элеватора. Бесплатно, конечно. Мест — восемь, но если втиснуться, то и пятнадцать.

Рядом с рельсами стояли электромобильчики. Они были разными: один — крошечный, синий, с откидным верхом, украшенный гирляндой миниатюрных лампочек. Другой — открытый, трансформер, складывающийся в тележку для багажа. Третий и вовсе напоминал старую прожекторную уста-

новку на колёсах.

— А как они заряжаются? — спросил Владимир.

— На зарядных станциях, как фонарики. Только дольше. У каждого водителя свой график. Если не успел зарядить — едешь на резервной батарее или идёшь пешком.

Из ближайшего переулка выкатился синий электромо-
бильчик. Водитель, лохматый парень с фонарём на поясе,
притормозил, молча кивнул Владимиру и покатил дальше.
На заднем сиденье дремал рыжий кот Нурсик, свернувший-
ся на ящике с инструментами.

— А кот зачем? — удивился Владимир.

— Ловит мышей. У нас тут иногда заводится живность,
которая любит грызть изоляцию. А кот Нурсик — лучший
борец. Ему даже жетон дали за отлов трёх крыс в прошлом
месяце. И палочку световую повесили на шею — чтобы в
тёмных углах не потерялся.

На площади у фонтана Владимир заметил необычную
картину: старушка сидела на скамейке, а рядом с ней, на по-
водке, стояла маленькая собачка — и на ошейнике у неё мяг-
ко мерцала световая палочка, обмотанная цветной тканью,
чтобы не натирала.

— А это для чего? — спросил Владимир.

— Чтобы видно было, — ответила старушка. — У нас тут
темновато, а собака маленькая, её легко не заметить. А так
— видишь, где она, и никто не наступит. И она сама не бо-
ится.

— Ещё котам вешаем, — добавила Лиска. — Особенно чёрным. А то в тёмных переулках совсем не видно. У нас каждый кот со своей палочкой ходит. И собаки — тоже. Даже один хомяк есть, у него на клетке фонарик висит.

Кот Нурсик зевнул, слез с электромобильчика и куда-то ушёл, мерцая зелёной палочкой в темноте.

Они свернули в проулок, где по обе стороны тянулись мастерские. Над каждой дверью — своя вывеска с подсветкой.

Обувная мастерская — вывеска в виде сапога из зелёных лампочек, табличка: «*ЧИНЮ ЛЮБУЮ ОБУВЬ. ЗАРЯДКУ ФОНАРИКОВ НЕ ДЕЛАЮ*». За окошком старый мастер в очках пришивал подошву к маленькому ботинку, используя вместо шила паяльник. Его инструменты лежали на верстаке: шилья с резными ручками, молотки, на которых были выгравированы цветы, и странная машинка для натяжения нити — вся из латуни, с маленькими колёсиками и рычажками.

— Дядя Сеня, — представила Лиска. — Он сорок лет чинит обувь. Говорит: «Свет — это хорошо, но без обуви далеко не уйдёшь».

Дальше — мастерская по ремонту фонариков. Вывеска в виде улыбающейся лампочки, лампочки мигали по очереди, создавая эффект живой улыбки. Внутри трое человечков разбирали старые фонарики, проверяли батарейки маленькими тестерами.

— Это наша светопомощь, — сказала Лиска. — Починят бесплатно, только за детали иногда просят жетоны.

Владимир заглянул внутрь. На полках лежали лампочки всех форм и размеров — груши, свечи, шарики. Рядом стояли банки с мелкими деталями: пружинки, контакты, проводочки, а также удивительные приборы, которые он никогда не видел: какой-то замысловатый ключ для настройки часов, ручной генератор с ручкой, украшенной перламутром, и маленький осциллограф в деревянном корпусе, с экраном, на котором вместо точек были нарисованы звёзды.

— А это что? — спросил Владимир.

— Это дедушкин «звездочёт», — ответил мастер. — Показывает не только сигнал, но и его качество. Если кривая ровная — значит, всё хорошо. Если прыгает — ищи проблему. Пользоваться им — одно удовольствие. Ручки тёплые, ход плавный.

— А откуда детали? — спросил Владимир.

— Сверху, — улыбнулась Лиска. — Что выбрасывают в ваших мусорных контейнерах, то у нас становится сокровищем. Старая люстра для вас — хлам. А для нас — пять отличных патронов и три лампы.

На улицах было много народу — каждый занят своим делом.

Регулировщик в светоотражающем жилете стоял на перекрёстке, поднимая и опуская фонарь на длинной палке. Зелёный — машины едут, красный — стоят. Работал чётко, без лишних движений, только изредка свистел в медный свисток, украшенный гравировкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.